

«...КРУГ, ГДЕ ОНА ЖИЛА...»: ВОЗМОЖНЫЕ ПРОТОТИПЫ СОФЬИ БЕЛОВОДОВОЙ

В современных роману «Обрыв» критических отзывах не обнаруживается даже намек на то, что фигура Софьи Беловодовой напоминает о каком-либо реальном лице. Со времени напечатания «Обломова» до момента выхода в свет «Обрыва» мнение Гончарова о том, что созданные им персонажи не должны подражать конкретным прототипам, не изменилось: это противоречило бы его принципам решения художественных задач. В письме М. М. Стасюлевичу 19 июня (1 июля) 1868 года, в разгар последнего этапа работы над романом, он утверждал: «Я снимаю оттиск только с своих собственных впечатлений и никогда не рисую с живых портретов, а пишу, как Вы видите, идеалы или типы...».¹

Появление в ноябре 1869 года в «Вестнике Европы» статьи Е. Утина «Литературные споры нашего времени» вызвало недовольство писателя, который откликнулся на нее «Предисловием к роману „Обрыв“» (авторская дата — ноябрь 1869 года).² В нем Гончаров также излагал свои принципы создания персонажа. Статья Гончарова не была при его жизни напечатана по различным соображениям. Переработанный текст частично вошел через десять лет в статью «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“»,³ где Гончаров осуждал романы современных писателей — «памфлеты, фельетоны или журнальные статьи, изображающие „злобу дня“». Он писал: «Истинное произведение искусства может изображать только устоявшуюся жизнь в каком-нибудь образе, в физиономии, чтобы и самые люди повторились в многочисленных типах под влиянием тех или других начал, порядков, воспитания, чтобы явился какой-нибудь постоянный и определенный образ — форма жизни и чтобы люди этой формы явились в множестве видов или экземпляров с из-

вестными правилами, привычками».⁴ В статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), подводя итог своим размышлениям об этом, он с сожалением констатировал, что читатели продолжают обращаться ко взгляду его, Гончарова, «на то или другое из моих сочинений, требуют пояснений о том, что я разумел под тем, что хотел сказать этим; кого или что имел в виду, изображая такого-то героя или героиню, вымышлены ли эти лица и события или действительно они были и т. д. Этим вопросам нет конца!»⁵ Там же Гончаров признавал образ Софьи Беловодовой искусственным: «...я должен сознаться в полной своей несостоятельности в изображении фигуры Софьи Беловодовой. Я не знал тогда вовсе, и теперь мало знаю, круг, где она жила, и тут критика вполне права».⁶ Тем не менее исследование окружения Гончарова позволяет предположить возможность прототипических ситуаций, которые он мог наблюдать и затем использовал в романе.

В юности писатель, возможно, был свидетелем или по крайней мере знал об истории, разыгравшейся в знатном семействе из-за того, что дочь влюбилась в учителя. Н. И. Надеждин, чьи лекции Гончаров слушал в Московском университете и в чьем журнале «Телескоп» напечатал свой перевод из романа Э. Сю «Атар-Гюль», был домашним учителем в московском семействе Сухово-Кобылиных и в 1834 году делал предложение Елизавете Васильевне (будущей писательнице Евгении Тур, сестре драматурга А. В. Сухово-Кобылина). Родители девушки воспротивились браку дочери с сыном бедного священника, ее посадили под домашний арест и впоследствии увезли за границу, Надеждину было отказано от дома. А. В. Сухово-Кобылин в это время поддерживал отношения с Гончаровым и вел дневник, где кратко описаны события.⁷ Можно добавить, что отец семейства, В. А. Сухово-Кобылин, как

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 378.

² Впервые опубли.: Гончаров И. А. Предисловие к роману «Обрыв» // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 100–132.

³ Также остававшуюся неизвестной широкой публике до 1895 года, когда она была напечатана в № 1 «Русского вестника».

⁴ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 6. С. 457.

⁵ Там же. Т. 8. С. 100.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ См.: Волкова Н. Б. «Странная судьба» (Из дневников А. В. Сухово-Кобылина) // Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 23–24.

и Пахотин, участвовал в Отечественной войне 1812 года и побывал в Париже.

Иное мнение было у симбирских родственников писателя: черты Софьи Беловодовой они видели в княгине Екатерине Ивановне Друцкой-Соколинской (рожд. Энгельгард, по второму мужу тоже Энгельгард), которая приходилась двоюродной сестрой сестрам Рудольф.⁸ Она «...была очень богатая женщина <...> Детей не имела. Была красавица, спокойная, холодная, очень светская, имела массу поклонников, мужа не любила...».⁹ Это единственное упоминание о ней в известных на сегодняшний день биографических материалах о Гончарове. В текстах писателя ее имя не встречается. Какие-либо сведения о ней выяснить пока не удалось.

Предположение о том, что прототипом Софьи Беловодовой была Е. В. Толстая, высказала О. М. Чемена, противопоставившая сложность и независимость характера Ек. П. Майковой (Веры) — внешней красоте Толстой (Софьи).¹⁰ Действительно, эта красота может являться связующим звеном, но более точным представляется вывод, который позволяет сделать исследование переписки Гончарова с Толстой 1855 года. Гончаров, вероятно, использовал в романе обстоятельства пережитой им личной драмы, опять-таки поставив Райского в такие отношения с Беловодовой, в которых оказался в свое время сам по отношению к Толстой.

Можно также предположить, что в истории влюбленности Беловодовой в графа Милари есть отголосок истории княгини З. А. Волконской (урожд. княжны Белосельской-Белозерской; 1789–1862), переезд которой из Москвы в Италию в 1829 году (когда Гончаров был в Москве) молва связывала с графом Миниато Риччи (Ricci; 1792–1860) — итальянским певцом-любителем (ср.: «Он очень хорошо поет», говорит Беловодова¹¹) и композитором. Благодаря хлопотам русского дипломата графа Ф. Г. Головкина Риччи был удостоен великим герцогом Тосканским титула графа перед тем, как в 1817 году жениться по любви на знатной русской девушке — Екатерине Луниной (двоюродной сестре декабриста М. С. Лунина и известной певице (1787–1886)), а в 1828 году развелся с женой и уехал из России в Италию.¹²

⁸ Впервые это указание дается в воспоминаниях В. М. Чегодаева: *Чегодаев В. М. Воспоминания об И. А. Гончарове* // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 104.

⁹ См. в публикации: *Материалы к биографии И. А. Гончарова* / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Романовой // *Русская литература*. 2008. № 3. С. 163.

¹⁰ Чемена О. М. «Обломов» И. А. Гончарова и Екатерина Майкова (К 100-летию создания романа) // *Русская литература*. 1959. № 3. С. 159–168.

¹¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 136.

¹² См. о Риччи: *Модзалевский Б. Л. Примечания* // Пушкин А. С. Письма / Под ред.

Софья Беловодова в черновом наброске продолжения романа (1861) горячо обсуждала с Милари «римский вопрос» (политическое противостояние между итальянским правительством и папством, начавшееся в 1861 году),¹³ что может напоминать о факте перехода кн. Волконской в католичество.

Вероятно также, что при создании образа графа Милари Гончаров использовал прототипическую ситуацию, существовавшую в Петербурге: в 1849–1853 годах здесь жил граф Джованни Маттео де Кандиа (De Candia; 1810–1883; сценический псевдоним — Джованни Марио), эмигрант (участник национально-освободительного движения на Сардинии), профессиональный певец — тенор, муж певицы Джулии Гризи, с которой вместе выступал на сцене петербургской Итальянской оперы.¹⁴

Оба предположительных прототипа были женаты. Относительно знатности, эмиграции и брачных отношений Милари читаем в письме Аянова к Райскому в конце романа: «...узнали, что он из „новых“ и своим прежним правительством был — „mal vu“ <подозреваем (фр.)>, и „эмигрировал“ из отечества в Париж, где и проживал, а главное, что у него там, под голубыми небесами, во Флоренции или в Милане, есть какая-то нареченная невеста, тоже кузина...».¹⁵

и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. Письма, 1826–1830. С. 329–330. Ср. страстный спор между Райским и Беловодовой о Милари в XVIII главе первой части: «Вы снизойдете до какого-нибудь parvenu <выскачка (фр.)> <...>

— Но он, во-первых, граф... а не parvenu... — сказала она.

— Купленный или украденный титул! — возражал он в пылу. — Это один из тех пройдох, что, по словам Лермонтова, приезжают сюда „на ловлю счастья и чинов“, втираются в большие дома, ищут протекции женщин, протираются в службу и потом делаются грансеньорами. <...> Это опасные выходцы: может быть, под этой интересной бледностью, мягкими кошачьими манерами кроется бесстыдство, алчность и бог знает что! <...> Довольно мне одной минуты было, чтоб разглядеть, что это один из тех chevaliers d'industrie <мошенников, проходимцев (фр.)>, которые сотнями бегут с голода из Италии, чтобы пожить...»

— Он артист, — защищала она, — и если он не на сцене, так потому, что он граф и богат... c'est un homme distingué <это достойный человек (фр.)>» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 145–146). См. о Риччи также: *Cazzola P. Zinaida Volkonskaja, cattolica e «cittadina romana»* // *Strenna dei romanisti*. 2001. P. 89.

¹³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 1. С. 525, 527.

¹⁴ Указано Н. В. Калининой.

¹⁵ Там же. Т. 7. С. 571–572.